

Андрей Колесников

раздвоение ввп

как

Путин
Медведева
выбрал

Библиотека Коммерсантъ

Андрей Иванович Колесников

Раздвоение ВВП: как Путин Медведева выбрал

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178033

Раздвоение ВВП. Как Путин Медведева выбрал: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-28063-6

Аннотация

Кого выбрала Россия в президенты в 2008 году? Кто и как подготовил и провел самую масштабную кадровую комбинацию в новейшей истории России? Наконец, кто такой Дмитрий Медведев – клон Путина или самостоятельная политическая фигура? Книга репортера ИД «Коммерсантъ», журналиста кремлевского пула Андрея Колесникова дает ответы на эти вопросы. Читатели станут свидетелями захватывающего описания политической карьеры Дмитрия Медведева от замглавы администрации президента Российской Федерации до избранного президента. Вместе с автором вы сможете проследить, как Путин выбирал и готовил себе преемника, что считал нужным сообщить по этому поводу людям, а о чем – умолчать. Вам откроются методы и приемы кремлевской политической конкуренции. И никакой конспирологии – только факты!

Содержание

Предисловие	4
Свято место первым не бывает	7
Неназванный преемник	11
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Колесников

Раздвоение ВВП

как Путин

Медведева выбрал

Предисловие

Когда вы будете читать эту книгу, инаугурация Дмитрия Медведева уже состоится, и из избранного президента он превратится в простого президента Российской Федерации. Три года эксперты, политологи, журналисты и другие обыватели гадали: кто следующий после Путина? Медведев или Иванов? Или кто-то третий? А кто третий? Не Путин, нет?

Андрей Колесников, журналист кремлевского пула ИД «Коммерсантъ», известный прежде всего своими книгами о Путине («Я Путина видел!», «Меня Путин видел!», «Увидеть Путина и умереть. Документальные истории»), на самом деле видел не только Путина. Но и Медведева, и Иванова, и многих других. Тех, кто задумывал, готовил и руководил управляемым процессом передачи власти от президента своему избраннику. Интригующую хронику этого процесса мы вам и представляем.

Начинается книга, правда, не с самого Дмитрия Медведева, а с Владимира Путина, точнее, с его размышлений о преемнике, о качествах, которыми должен обладать такой человек, и о том, что он, Владимир Путин, сделал, чтобы его найти.

Следующие главы посвящены аппаратной карьере Дмитрия Медведева от замглавы администрации президента Российской Федерации до кандидата в президенты России, выдвинутого сразу четырьмя партиями. Каждому этапу этой карьеры посвящена отдельная глава, а наиболее объемной стала, что неудивительно, та, которая описывает его работу на посту первого вице-премьера. Главным содержанием этой деятельности было курирование нацпроектов – задача, сама постановка которой позволила многим экспертам посчитать Медведева основным кандидатом в преемники. Впрочем, другие эксперты тут же получили возможность возразить, указав, что Сергей Иванов, также в ранге первого вице-премьера, получил едва ли не более серьезный объем работ, а вместе с ним – и больший аппаратный вес. Сергею Иванову и другим конкурентам Дмитрия Медведева в деликатной борьбе за доверие Владимира Путина также посвящена отдельная глава.

Заканчивается книга совсем небольшой главой о выборах и новом статусе Дмитрия Медведева, добавившем в его политический гербарий новую деталь, способную стать украшением коллекции, – должность президента страны.

Александр Соловьев, главный редактор книжной редакции ИД «Коммерсантъ»

Свято место первым не бывает

От автора

Рейтинг журнала «Коммерсантъ ДЕНЬГИ» по итогам I квартала 2004 года

События, вызвавшие наибольший общественный резонанс в России в I квартале 2004 года:

- отставка Михаила Касьянова;
- катастрофа в аквапарке «трансвааль»;
- теракт в московском метро;
- формирование нового состава правительства.

Силовой блок правительства, напрямую подчиняющийся президенту, изменений не претерпел. Премьер-министром стал Михаил Орадков;

• выборы президента России, на которых победил Владимир Путин.

Чем же отставка Касьянова была серьезнее победы Путина? Вроде бы, все должно быть наоборот. Ведь это президент Путин освободил премьера Касьянова от занимаемой должности. Не был бы Владимир Путин президентом, и не случилось бы этой отставки.

И вообще, неизвестно, что именно случилось бы в мире людей. На первый взгляд от выбора президента России вроде бы зависит очень многое. Собственно говоря, все остальные события квартального рейтинга зависят, казалось бы, от это-

го. А оно на третьем месте. А на втором – назначение Михаила Фрадкова. А кто, кстати, назначил Михаила Фрадкова?

И вот я думаю, отчего жизнь так несправедлива к Владимиру Путину? Вроде бы все он делает как надо, и даже делает это с душой. Он старается. Он даже признается, что если и дальше так будет работать, то сойдет с ума. И я верю – обязательно и дальше будет так работать.

Но вот чем больше он старается, тем отчетливее, мне кажется, понимает, как мало от него что-то зависит. Он даже достойное место в рейтинге не может себе обеспечить всеми своими стараниями.

Не исключено, что он устал. Мало кто еще чувствует это, кроме, быть может, его самого. И он уже на самом деле с облегчением думает о том чудном мгновении, когда сложит с себя обязанности и для начала пойдет и скажет некоторым людям, что он о них все это время думал. Одному он скажет, что на самом-то деле человек этот все эти годы был слаб как менеджер и оставляет желать лучшего как человек.

– Так за что же вы, Владимир Владимирович, – расстроено спросит этот человек, – держали меня рядом с собой все эти годы? Зачем я был вам нужен на этом участке ответственной работы?

– Если бы просто держал, – вздохнет Владимир Путин. – Мешали вы мне очень. Как же вы мне все эти годы мешали!

– Тогда зачем?!

– Да я и сам не знаю, – ответит Владимир Путин. – Ну, не

увольнять же вас было.

Ведь он в этот день всем будет говорить одну только правду и ничего, кроме правды.

Потом он пойдет к Михаилу Касьянову и Александру Волошину и извинится перед ними. Перед Александром Волошиным извинится за то, что, когда тот уходил, не поверил ему, что уходит глава администрации не оттого, что и сам страшно устал и не собирается больше надрываться и тащить этот воз, а только оттого, что понял: его начальник и человек, чьим мнением он, честно говоря, дорожил (теперь-то можно в этом признаться), что-то перестал дорожить его мнением.

И Владимир Путин извинится перед ним за то, что так оно и было. Да, перестал – как-то само собой все получилось. А перед Михаилом Касьяновым Владимир Путин извинится за то, что вынужден был уволить его, ну просто вынужден был. Обстановка тогда была такая...

– Да вы и сами все помните, – виновато покрутит он пуговицу у него на пиджаке.

– Помню, – вздохнет и Михаил Касьянов. – Свежо все, не буду скрывать, в памяти. Буквально каждое ваше слово до сих пор в ушах звучит.

И Владимир Путин, еще 15 секунд покрутив все ту же пуговицу, скажет, что так-то он на него никакого зла не держит.

Извинится Владимир Путин и перед Михаилом Фрадковым – за то, что назначил его премьером.

И вот когда он сделает все это, а я про это случайно узнаю

и напишу, его рейтинг взлетит уже до небес. И Владимир Путин, назначенный его собственным преемником на ответственный участок работы, уверенно займет в нашем квартальном отчете первое место.

Андрей Колесников, 12 апреля 2004 года

Неназванный преемник

глава 1

В конце лета 2005 года я летел из Барнаула в Москву «основным бортом» российского президента и разговаривал с Владимиром Путиным о том, о чем его долгое время не решались спросить не только журналисты, но и ближайшее окружение.

Я был на похоронах алтайского губернатора Михаила Евдокимова. В Барнаул полетели несколько журналистов из кремлевского пула. Так вышло, что в середине дня мы разделились. Я попал в больницу, где в тяжелом состоянии лежала вдова губернатора. Президент заходил к ней, и они о чем-то довольно долго говорили. Я стоял в коридоре, где алтайский хирург рассказывал, что она получила травмы, не совместимые, они думали, с жизнью, но она пришла в сознание. Врач говорил, что до сих пор никто ей не смог сказать, что ее мужа нет в живых. Это предстояло, видимо, сделать Владимиру Путину.

Остальные журналисты до больницы не доехали и улетели в Москву «передовым бортом». Билета на рейсовый самолет у меня не было. Пресс-секретарь президента предложил помочь. Так я оказался на «основном борту».

Моим соседом был личный врач президента. Он расска-

зывал, что за пять лет не пропустил еще ни одной командировки президента и что ни в одной из них его помощь по серьезному поводу, к счастью, не потребовалась.

– Покушайте, – сказал он мне, – вы же, наверное, проголодались.

Профессионал определил это по каким-то, видимо, безоговорочным для него признакам. Скорее всего, по моему взгляду на поднос с едой, который уже лежал передо мной на откидном столике. Но притронуться к ней я не успел: меня позвали в соседний салон.

Там я увидел побогаче накрытый стол и президента страны. Он пригласил садиться. Всего нас было пятеро: он, я, его помощник, пресс-секретарь и шеф протокола.

Президент предложил выпить. Я отказался:

– Я не пью.

– Придется, – сказал он. – Не чокаясь.

Автокатастрофа, в которую попал Михаил Евдокимов, произвела на Владимира Путина, судя по всему, огромное впечатление. Их отношения не были только рабочими, президента и губернатора. Однажды господин Путин летал в Чечню и, когда возвращался на вертолете, предложил подвезти Михаила Евдокимова, который еще тогда не был губернатором и приехал в Чечню как артист. По дороге вертолет обстреляли. Так что Михаил Евдокимов был для Владимира Путина не чужим человеком.

– Странная история с этой аварией, – сказал Владимир

Путин. – Почему все-таки у него не было сопровождения? Оно бы не позволило его машине идти с такой скоростью.

– Так сняли же сопровождение, – сказал я. – За несколько дней до аварии.

– Да я знаю, – ответил президент. – Меня интересует, за чем.

Он так и сказал: не почему, а зачем.

– Ну, про это тоже все говорят в Барнауле, – сказал я. – Известно же, что у него с депутатами конфликт неразрешимый. Начальник УВД, говорят, поддерживал их.

– А вы знаете, что он последние три месяца вообще на Алтае не был? – спросил Владимир Путин. – Он просто не хотел, не мог заставить себя поехать туда. Ему было морально тяжело.

– Весь Барнаул говорит, что его убили, – сказал я.

– Вы серьезно? – переспросил господин Путин. – Разве не понятно, что это такое роковое стечение обстоятельств?

– Когда барнаульского мэра незадолго до этого убили, тоже, говорят, было роковое стечение. Но что такое роковое стечение? Вы же сами говорите: если бы было сопровождение, ничего не произошло бы.

Владимир Путин взял трубку телефона, стоявшего на столе (желтая «вертушка» с гербом), и попросил соединить его с генпрокурором. Когда соединили, он вышел из комнаты, где мы сидели. Его не было пять минут.

Когда он вернулся, мы продолжали говорить уже на дру-

гие темы. Один из собеседников знал, что у меня вышла книжка «Первый украинский» про «оранжевую революцию», и спросил, с кем, как мне кажется, на Украине сейчас можно иметь дело. Я искренне ответил, что ни с кем.

Господин Путин слушал, мне казалось, бесконечно рассеянно.

Тогда я уже сам спросил его о том, что меня, собственно говоря, и интересовало:

– А вы с преемником-то определились?

– В принципе да, – кивнул он. – Да ведь тут особых проблем нет. Но надо, конечно, еще посмотреть. Два, кажется, кандидата есть? Я точно не помню.

Он посмотрел на своего помощника. Тот кивнул.

– Правда, оба мне пока не кажутся стопроцентным вариантом.

Я слушал очень внимательно. Так внимательно, как я слушал сейчас, я не слушал, кажется, никогда.

– Да разберемся, – добавил президент. – Край непростой, конечно. Но это не главная сейчас проблема.

– Погодите! – не удержался я и перебил его. – Вы что, про Алтайский край сейчас говорили?

– Да, – удивился он. – А вы что подумали?

Я внимательно посмотрел на него. У меня было ощущение, что со мной сейчас поступают довольно безжалостно.

– Да нет, я про вашего преемника, – сказал я.

– А-а, – ответил он. – Про моего. Ну, понятно.

– И что?

– А что?

– Определились?

– А почему вас это так интересует?

– Потому что это всех интересует. И вас, по-моему, это интересует не меньше, чем всех остальных.

– Ну, – произнес он, – допустим, я определился.

– Тогда давайте вы нам скажете, – от всей души попросил я.

Я подумал, что можно еще добавить, что я никому больше не скажу. Я подумал, что могу сейчас пообещать что угодно.

– А вы считаете, что надо уходить? – поинтересовался он.

– Конечно, – искренне ответил я.

– Что, так не нравлюсь? – спросил он.

Я должен был что-то ответить. В конце концов мы просто сидели и ужинали.

– Что, – спросил он, не дожидаясь ответа, – вы считаете, не надо менять Конституцию?

Это была подсказка.

– Конечно, не надо. Вы сами знаете, что не надо.

– А почему, кстати? – спросил он.

Он первый раз смотрел, по-моему, с настоящим интересом.

– Потому что, если вы сейчас что-нибудь в конституции поменяете, через год от нее вообще ничего не останется.

«Оно вам надо?», – хотел добавить я.

– А, ну ладно, тогда не будем, – легко согласился этот человек.

– Так кто преемник? – еще раз спросил я.

– Скажите, если бы это был человек, который был бы во всех отношениях порядочный, честный, компетентный, вот вы бы, лично вы стали бы помогать, чтобы он стал президентом? – спросил он.

Я поразился мгновенной перемене ролей.

– А почему я должен помогать? Я работаю журналистом. Я никому не должен помогать.

– Нет, ну вы гражданин тоже. Вот почему бы вам не помочь стать президентом честному человеку?

– Вы ему лучше меня поможете.

– Нет, ответьте! – продолжил он. – Почему на меня не смотрите?

Я и правда смотрел куда-то левее и выше него.

– Что, портрет Сталина там хотите найти? – добавил он.

– Портрет Путина, – ответил я.

– Засчитывается, – кивнул он. – Но и его там нету. Ну так что, будете помогать?

– Не буду.

– Ну а если человек-то хороший? – неожиданно сказал он. – И честный. И порядочный. И компетентный. Такому помогли бы?

Мне вдруг показалось, что он на самом деле говорит о конкретном человеке.

– Такому помог бы. Но такого нет, – произнес я.

– О! – кивнул он. – Все-таки помогли бы. Ну вот, а вы не хотели отвечать.

Он был, по-моему, очень доволен этой победой. – Да не собираюсь я никому помогать. Вы можете сказать, что это за человек? – сказал я.

– Вам понравится, – ответил он после некоторого молчания.

И я потом долго смотрел на некоторых людей в Кремле и гадал: он мне нравится или нет? А вот он? Или он?.. Нет, он не понравится никак. Ну, значит, он, слава Богу, не будет преемником. А вот он... Ну да... Или просто его бросили на самое течение и смотрят: выплывет или нет?.. Так, ломал голову я. Президент думает, что человек, с которым он определился, мне понравится. Но я ведь понимаю, кто мне может понравиться... Думая об этом, не так уж и сложно сойти с ума. И не этого ли, кстати, добивался господин Путин, произнося все это?

Впрочем, он больше не собирался говорить на эту тему.

Позвонил телефон. На этот раз президент не стал выходить из комнаты. Его соединили, судя по всему, снова с генпрокурором.

– Понимаю. Да, слышу. – говорил господин Путин. – То есть вы проанализировали ситуацию и считаете, что это должно быть мое решение? Все, спасибо.

На следующий день начальник Алтайского УВД, по рас-

поряжению которого Михаила Евдокимова лишили охраны, был уволен.

Разговор продолжался. Я говорил о том, что меня интересовало. Ну, про свободу слова, про что же еще. Я сказал, что на телеканалах ее нет и что нормального человека это не может устраивать.

Он спросил:

– А что именно вас не устраивает?

– Меня не устраивает, что через некоторое время после того, как арестовали Ходорковского, у меня пропало ощущение, что я живу в свободной стране. У меня пока не появилось ощущения страха...

Я хотел добавить: «Но, видимо, вот-вот появится», но он перебил:

– То есть ощущение абсолютной свободы пропало, а ощущения страха не появилось?

– Да, пропало ощущение, которое было при вашем предшественнике, – сказал я.

– Но ощущения страха не появилось? – еще раз уточнил он, казалось, размышляя над тем, что я говорю.

– Пока нет, – ответил я.

– А вы не думали, что я, может быть, такого эффекта и стремился достичь: чтобы одно состояние пропало, а другое не появилось?

– Не думал, – ответил я. – Не ожидал.

Он пожал плечами и снова сделался безразличным.

Я настаивал:

– Ну так что, освободите телеканалы?

– Да никто их не захватывал. Телевидение сейчас такое же, какое общество.

– А вам оно нравится?

– Мне – нет, – неожиданно ответил он.

– Ну так надо менять! – обрадовался я.

– Ну, вместе и будем менять. Вы думаете, так просто – поменять? Поменяем. Но не будет возврата к тому телевидению, которое было тогда, в то время, о котором вы говорите. Это время прошло. Его нет больше. Оно не вернется. Забудьте.

Он, казалось, убеждал в этом не только меня.

* * *

После этого разговора я понял, что уже тогда он знал, кто будет его преемником. И еще два года потратил на то, чтобы убедить себя в том, что прав.

Возможность лишней раз убедиться в том, что все уже решено, представилась, например, в мае 2006 года, когда президент России встретился с руководством Всероссийской государственной телерадиокомпании по случаю ее 15-летия и с обезоруживающей, можно сказать, искренностью рассказал о том, что занимает его мысли: об антикоррупционной атаке, о поисках преемника и об отношениях с США и Украиной.

21 сотрудник ВГТРК сошел с трапа самолета в аэропорту Адлера накануне вечером. Пережив ночь в ожидании встречи с Владимиром Путиным в гостинице «Рэдиссон-Лазурная», творческий коллектив прибыл в сочинскую резиденцию президента России «Бочаров ручей». Здесь их ожидал еще один творческий коллектив – кремлевский пул журналистов, присоединившийся по воле звезд к именинникам за праздничным столом на «завтраке с ВГТРК». Именно так был определен формат этого мероприятия.

Господин Путин поздравил собравшихся с юбилеем и сказал, что «продукт, который ВГТРК предоставляет в наше распоряжение», является очень важным для страны, «которая находится на переломном пути своего развития, и здесь каждое слово имеет значение для миллионов людей».

Убежден, что господин Путин говорил совершенно искренне. Именно тем, что он уверен в безотказном влиянии телевидения на умы миллионов людей, и объясняются его телепристрастия.

Глава ВГТРК Олег Добродеев коротко, может, даже слишком, рассказал о планах телеканала (мы узнали, что в ближайшее время все-таки появится информационный канал) и предложил задавать вопросы. Телеведущий Дмитрий Киселев поинтересовался, как готовилось президентское послание, «которое сейчас обсуждает весь мир», и «на каком этапе появилась эта фраза „товарищ волк знает, кого кушать“».

Владимир Путин ответил удивительно подробно. Мне по-

казалось, он вообще-то очень хотел об этом рассказать. Ему нечего было стыдиться того, как готовилось это послание, ибо единственным его автором, как можно было понять из этого увлекательного рассказа, был он сам.

– С учетом наших растущих возможностей я посчитал необходимым сосредоточиться на тех основных угрозах, которые, как мне представляется, страна должна, во-первых, точно идентифицировать. Каждый гражданин должен знать эти угрозы, – заявил господин Путин. – И во-вторых, дать свое видение того, как мы будем их преодолевать.

Таким образом, подтвердилось подозрение, в которое очень не хотелось верить: мы живем во враждебном окружении, в мире, состоящем из угроз и вызовов, производством которых занимается противник. Его и вероятным назвать уже неправильно. Нет, это просто невероятный противник.

Самая главная угроза исходит, впрочем, как всегда, от нас самих.

– Мне кажется, – сказал президент, – что я нашел тот вопрос, который действительно является объединяющим всю нацию. Все понимают эту угрозу для страны – демографический спад. Огромная территория, Россия – самая большая страна в мире, и если так дальше будет продолжаться, то ее просто некому будет охранять!

Так стало понятно, для чего нужен демографический взрыв.

– Что же у нас за страна такая, – с горечью спрашивал

Владимир Путин собравшихся за столом людей, – которая не может обеспечить воспроизводство самих себя?!

Собравшимся, казалось, нечего (или нечем) ответить на этот упрек. Ответ на него был только у президента:

– Ясно, что это проблема всех постиндустриальных стран! Но мы и в постиндустриальном, и в переходном состоянии оказались одновременно! Мы оказались в состоянии ломки экономической, политической, моральной – какой хотите!

Затем президент напомнил собравшимся (если они вдруг на секунду расслабились за сырниками и забыли), что мы живем в условиях и террористической угрозы тоже:

– Начиная с 1999 года, когда я стал премьером, а потом президентом, нельзя было думать о каких-то крупномасштабных задачах, их решениях, когда у нас страна трещала по швам. По сути, шла гражданская война.

Впервые он назвал события в Чечне не просто войной, но и гражданской войной. Очевидно, президент мог позволить себе это, ибо считал, что в этой войне уже есть победитель. То, что он говорил дальше, подтверждало эту мысль.

– На сегодня, хочу обратить внимание, не знаю, заметили вы это или нет, впервые за 26 лет наша армия нигде не воюет, – продолжал господин Путин. – Для примера: ВДВ собрались на российской территории и занимаются боевой подготовкой. Даже расквартированная в Чеченской Республике 42-я дивизия уже подготовила себе полигоны, учебные центры, и она занимается уже текущей боевой подготовкой.

Да, время от времени приходится показывать, что у нас там и армия есть, но в целом мы на Кавказе и в Чеченской Республике справляемся силами внутренних войск МВД России.

Чрезвычайно интересным был рассказ о том, как готовилось послание.

– Для начала я просто сформулировал то, что хотел бы сам увидеть, руководству администрации, – сказал президент. – Получил, так сказать, предварительный макет этого послания. Коллеги на меня не обидятся. Я посчитал, что он не соответствует тому, о чем я хотел бы сказать.

То есть президент прямо сказал, что его администрация с задачей не справилась, хотя задача на первый взгляд и не отличалась особенной сложностью. Надо было всего-навсего обработать мысль президента.

Пошел, можно сказать, на крайнюю меру:

– Я пригласил руководителя администрации, продиктовал ему план: первое, второе, третье. По-моему, из восьми пунктов. Потом пригласил некоторых министров, сначала из экономического блока – министра финансов, министра экономического развития и торговли, с ними переговорил. Потом то же самое сделал с министрами социального блока. Попросил доложить мне об исполнении поручения, связанного с преодолением демографических проблем. Министерство предоставило свои соображения. То же самое сделали и Министерство иностранных дел, и Министерство обороны.

Владимир Путин признался, что и после этих экстренных

мер проблем не стало меньше. Просто никто, такое впечатление, не хотел работать над его посланием или просто не в состоянии был понять, чего хочет президент.

– Так как наиболее сложный с точки зрения финансового обеспечения, конечно, демографический вопрос, то мне пришлось несколько раз собирать министров экономического и социального блока, – продолжил президент. – После этого я поручил согласовать некоторые моменты между всеми ведомствами первому заместителю председателя правительства Дмитрию Анатольевичу Медведеву. Он их собирал еще несколько раз, а потом объявил, что некоторые разногласия преодолеть не удастся.

Таким образом, и Дмитрий Медведев не справился с порученным ему делом.

– И мне пришлось собрать их еще раз всех вместе, – не без удовольствия, кажется, вспоминал Владимир Путин, – в том числе представителей администрации и юристов. На этом совещании были приняты окончательные решения по цифрам и по срокам. И эти решения пришлось принять мне. После этого нужно было только оформить эти договоренности, положить их на бумагу. Когда это было сделано, то мы вместе с руководителем администрации начали достаточно подробно и плотно работать над текстом, чтобы логично одно вытекало из другого. Ну и чтобы в течение часа люди не уснули, а слушали внимательно. А что касается вот этих лирических отступлений, о которых вы упомянули, они рож-

дались фактически в ходе изложения послания, – улыбнулся Владимир Путин.

И эти воспоминания тоже доставили ему удовольствие.

Президент, судя по всему, чувствовал себя все более комфортно в компании именинников. Он рассказал, что думает про такое зло, как коррупция:

– С коррупцией, так же как и с некоторыми другими проблемами общества, вряд ли кому-нибудь удастся справиться окончательно. Она так или иначе присутствует во всех странах мира – и в Европе, и в США. Только сейчас сотрудника ЦРУ, как у нас говорят в определенных кругах, упаковали. И конгрессмена, по-моему, вместе с ним или чуть раньше – тоже за коррупцию. Посмотрите, в Испании, в Марбелье вообще всех пересажали. А в Южной Корее? Руководителя крупнейшей корпорации в наручниках выводят. Это такая штукавина, которая, к сожалению, присуща всем; наверное, всегда так было. Но это не значит, что с этим не надо бороться. Уровень коррупции может быть разным. Я полагаю, что у нас сегодня он недопустимо высок.

Тогда я спросил господина Путина о «коррупционных» отставках в силовых структурах, которые случились накануне. Было любопытно, случайно ли эти отставки совпали по времени с посланием господина Путина. Не начало ли это реализации идей, заложенных в послании? И не последуют ли за отставками госслужащих «отставки» бизнесменов? (Судя по тому, что председатель Совета Федерации господин

Миرونوف подписывает представления на снятие депутатской неприкосновенности с сенаторов, не чуждых бизнеса, последуют.)

– Это, конечно, не совпадение, – заявил президент. – Специально к посланию этого, конечно, никто не делал. Работа логически подошла к тому завершению, которое мы с вами видим. Работа не закончена, и не только в сфере таможни.

Ключевой в ответе была, разумеется, последняя фраза.

Глава ВГТРК попросил уточнить, что для господина Путина главное в послании. Президент ответил, что экономика. Но снова – по той причине, что «мощь государства определяется прежде всего экономической мощью... Сначала Карл Маркс, а потом Фрейд и прочие...»

Корреспондента «Труда» Ольгу Соломонову интересовали поиски преемника. Владимир Путин ответил так, что мало не показалось:

– Я думал об этом с 1999 года, как минимум с 2000-го, сразу после президентских выборов. И сейчас думаю. У меня есть определенное представление о том, как можно было бы выстраивать ситуацию в стране в тот период. С тем, чтобы не дестабилизировать ее. Не пугать людей. С тем, чтобы бизнес не пугать. Вы знаете, в бизнесе, может быть, что-то кому-нибудь нравится, а кому-то не нравится. А есть такие, которым нравится то, что происходило с известной компанией. Есть те, которые специально подрабатывали эту ситуацию. Но в целом все – и бизнес, и рядовые граждане – доро-

жат ситуацией, которая сложилась сегодня. Спокойная, ровная, стабильная ситуация.

Трудно сказать, почему господин Путин, размышляя о преемнике, сразу вспомнил про компанию «ЮКОС» и ее главу Михаила Ходорковского. Это очень трудно сказать.

– И представители бизнеса, – продолжил он, – и рядовые граждане – все задумываются о том, что будет после рубежа 2008 года. Все об этом думают. Я это тоже понимаю. И я не считаю и вправе говорить: все, ребята, я пост сдал, привет горячий. А там как хотите, так и разбирайтесь. Так не будет, конечно. Я буду ответственно относиться к исполнению своего долга до последней минуты исполнения обязанностей президента страны. Это значит, что я должен думать о том, как будет развиваться ситуация. Вообще, как мне представляется, если начать навязывать кого-то, то реакция может быть обратной. Но я считаю себя вправе высказать свою точку зрения и свое мнение. По тому или иному кандидату. Я тоже гражданин России и имею право на свое мнение. И я это сделаю.

Президент, таким образом, предупредил, что до марта 2008 года его не надо считать «хромой уткой» и что он приложит усилия для того, чтобы никто его ею не считал. Для этого ему придется как можно позже озвучить стране свое мнение как гражданина России.

Ненадолго президент вернулся к посланию и своей делающейся на глазах знаменитой фразе про оголодавшего волка и

подтвердил, что у него было желание добавить еще несколько слов.

– Но я боялся, что меня дальше понесет, не смогу остановиться, – честно признался президент.

Появились вопросы у Николая Сванидзе. Он спросил, не означает ли все это «ужесточения международной линии».

– Нет, не означает, – ответил господин Путин. – Как это ни странно звучит, совсем не означает. Это означает только одно: мы будем отстаивать свои интересы. У наших заокеанских друзей зона национальных интересов – весь земной шар. И они не стесняются об этом говорить. Просто они прямо об этом заявляют. А наши где тогда интересы? Вот ваши где? Я бы не хотел, чтобы, когда я говорю «наши», вы думали, что это – мои. Я через два года уйду. А ваши – где? Ваших детей, внуков? Мы хотим жить с ними нормально. Мы хотим с ними дружить. Мы хотим, чтобы они чувствовали в нас партнеров. Относились к нам с уважением. Лес есть лес, нас же медведями называют, русских людей! Здесь нет ничего особенного.

Господин Путин дал понять, что считает не оправдавшимися надежды заокеанских друзей на то, развал Советского Союза – только первый этап развала России.

– Они должны это осознать, – заявил он. – И начать относиться к нам с уважением. Так же, как и мы к ним относимся.

Фраза господина Путина о том, что он уйдет через два года, произнесенная в таком нервном напряжении, стоила,

на мой взгляд, всех разговоров о его третьем сроке. Уйдет.

– Что касается оборонной стратегии: если проводить мирную внешнюю политику, действительно мирную, а не так, как в Советском Союзе говорили: «Миролюбивая внешняя политика». – продолжил господин Путин. – Так вот, если не совать свой нос в чужие дела и не объявлять весь мир зоной своего влияния, то для обеспечения собственной безопасности нам имеющихся ресурсов вполне достаточно для того, чтобы абсолютно надежно гарантировать нашу безопасность, несмотря ни на какие-то там чьи-то перспективные разработки. Потому что асимметричный ответ всегда в десять раз дешевле.

После этого президента спросили про Украину. Кто-то из сотрудников ВГТРК интересовался, не стоит ли начать пользоваться, как когда-то в Германии, концепцией «разделенной страны», говоря об Украине и России (в надежде, видимо, что произойдет воссоединение). По мнению Путина – не стоит, потому что «разделение Германий произошло в результате войны, борьбы с нацизмом, в соответствии с тем, как были определены зоны оккупации».

И снова он решил высказаться на тему, которой раньше никогда не касался.

– Есть ли что-то политическое в энергетике и т. д.?.. Прежде всего наши решения по повышению цен на газ для Украины – это экономические решения. Почему мы должны 15 лет... Нам до сих пор пытаются сказать, что мы резко

там... Как резко? 15 лет!.. И каждый год говорим одно и то же, каждый год. А в прошлом году начали с марта... Договорились. Они просто не хотят! Договориться договорились – на крыло, все, и не поймать было никого за хвост, никто разговаривать не хочет! Довели специально до ноября, когда начали кричать: «Каравул, грабят!» Зима, дети, пенсионеры. А у нас тоже зима и тоже дети и пенсионеры... Но есть какой-то политический аспект? Есть он или его нет? Ну, есть, наверное. Одно дело, когда вы говорите: «Это наше общее культурно-историческое пространство», а другое дело, когда они говорят: «Знаете что, ребята, вы так считаете, а у нас свое мнение». Это говорит нам сегодняшнее руководство Украины. Мы пойдем вот туда – и говорят нам, куда. Ну что мы можем сделать?

Владимир Путин сделал небольшую паузу – кажется, только для того, чтобы набрать в легкие побольше воздуха.

– Мы признаем вас легитимной властью. Вы приняли такое решение, – продолжил он. – Ну, пожалуйста, но почему мы должны платить за те решения, которые считаем ошибочными и политически, и экономически? В начале прошлого года я ездил в Киев, встречался с Юлией Владимировной (Тимошенко. – А. К.), когда она была премьером, и с Виктором Андреевичем (Ющенко, президентом Украины. – А. К.). Они мне уже тогда сказали, что намерены повысить социальные расходы – пенсии, пособия – на 24 %. Я тоже у себя в стране, может, хотел бы поднять на 24 %, но у нас эконо-

номика не позволяет. У нас денег-то больше в несколько раз, чем у них. Но мы считаем, что макроэкономические показатели не дают нам такой возможности, если мы хотим сохранять здоровую экономику. И я их спрашиваю: «Как же вы?» «Мы справимся, мы сделаем то, то... Мы там то продадим, то отберем, мы закроем внутренние офшорки...» Ну, хорошо, может быть, и справитесь. Оказалось, что не справились. Но почему мы должны платить за эти ошибки? Почему мы должны оплачивать эту ошибочную, на мой взгляд, экономическую политику? А в политике? Они хотят туда вступить, сюда вступить. Кто хочет их принимать, пусть тот тогда и платит. Мыто почему?

Владимир Путин, кажется, наконец-то выдохнул. Но нет, показалось.

– Причем хочу подчеркнуть, что это были договоренности, я же ведь ничего не придумал! – сказал он. – Более того, Виктор Андреевич мне сам об этом сказал, что он считает, что надо переходить на рыночные формы ценообразования. Но в целом руководство Украины считает, что мы достигли приемлемых договоренностей, которые в конечном счете пойдут на пользу самой украинской экономике. Думаю, в этом смысле Виктор Андреевич прав, потому что это заставляет работать над энергосбережением, что меня очень беспокоит, так как если мы не будем создавать напряжения в нашей экономике, через несколько лет, скажем, украинская экономика будет более эффективной, чем наша. Они

столкнулись с необходимостью энергосбережения, а мы нет. Они будут напрягаться, будут использовать более современные методы, средства и технологии в экономике, а мы нет. Но вот за что я благодарен Виктору Андреевичу – так это за то, что он все-таки в конечном счете решение принял, выбор сделал и отстаивает это.

– А Юлия Тимошенко обещала разорвать газовые соглашения с Россией, если снова будет премьером, – сказал кто-то за столом. – И как тогда?

– В суд тогда! – как будто даже обрадовался Владимир Путин. – Там есть судебная оговорка. Арбитражный суд в Стокгольме. Пожалуйста. Пожалуйста бриться, как говорят.

Под конец разговора президент исчерпывающе высказался по поводу журналистов.

– Пресса – большое сообщество, там много разных людей – умных и не очень, честных, порядочных и тех, кто себя больше любит, талантливых и просто со связями. Особое сообщество людей. Когда я общаюсь с западными журналистами, я часто вижу, что они на.

Президент хотел, видимо, сказать, что они на порядок компетентнее российских, но, как и в послании, говоря про волка, сдержался.

– Их самих интересно послушать, – добавил он. – Они специализируются на какой-то проблематике и могут давать глубокий анализ тем или иным событиям. С такими людьми просто интересно, и они полезны для общества.

Я решил было, что мы, значит, вредны, но выяснилось, что президент не закончил:

– Мне бы очень хотелось, чтобы в нашей журналистской среде таких появлялось все больше и больше. Уверен на сто процентов, так и будет. Просто думаю, что нашим журналистам особенно было некогда заниматься таким самосовершенствованием потому, что надо было думать, как жить, как выживать. Все же люди, я прекрасно понимаю. Но чем стабильнее, чем спокойнее будет, тем более самодостаточными, экономически независимыми будут средства массовой информации, тем больше у нас будет появляться таких людей. Вот чего бы мне хотелось увидеть.

Осталось нам высказаться про то, какого президента хотелось бы видеть нам.

* * *

Владимиру Путину так не нравилось слово «преемник», что начинало казаться, будто саму идею насчет преемника и, может, даже само слово «преемник» придумали журналисты. Эти подозрения президент укреплял, постоянно отказываясь от желания реализовать именно такой принцип передачи власти. Так было, например, во время ежегодной пресс-конференции с журналистами в Кремле.

Ожидание встречи с прекрасным 1 февраля 2007 года было, как всегда, нервным. В партере не хватало свободных

мест. К тому же участники мероприятия, попав в зал, долго не могли согреться. Проблема состояла в том, что поток из тысячи журналистов в Кремль был слишком неравномерным. Почти все пришли очень рано, чтобы занять лучшие места, – и застряли при входе в 14-й корпус. Коллеги только к пятой пресс-конференции президента России поняли, насколько это важно для них. У человека, вошедшего в этот день в 14-й корпус, мир сузился до размеров одного кресла, из которого он мог увидеть президента, а он – его (или хотя бы табличку с названием города). Только так можно было повысить свой шанс задать вопрос президенту России. Для этой тысячи с лишним человек вопросы президенту были важнее ответов президента.

Журналисты рассаживались в зале до самой последней минуты. Всем места в партере не хватало, но на балкон, где их было достаточно, никто не спешил. Люди игнорировали балкон, не понимая, что именно там они смогут прыгнуть выше головы тех, кто сидит в партере, так как по опыту прежних пресс-конференций можно было с уверенностью сказать, что два человека в президиуме – президент Владимир Путин и его пресс-секретарь Алексей Громов – заранее испытывают к сидящим на балконе некоторое сострадание и будут стараться компенсировать их неудобства более или менее преувеличенным вниманием к ним.

Появлению президента предшествует некоторый ритуал. Сначала на стол ставят нечто, накрытое настолько широкой

белой накрахмаленной салфеткой, что издали (с балкона, например) создается такое впечатление, что под ней может оказаться что угодно, а скорее всего – какой-нибудь приятный сюрприз. Такие сюрпризы обычно оказываются под салфетками или в рукавах фокусников. Я бы, скорее всего, решил, что оттуда вылетит белый голубь, если бы не знал, что под салфеткой – чашка с зеленым чаем. И год, и два года назад при появлении человека с салфеткой на подносе зал начинал аплодировать, и это должно было означать, что люди на пресс-конференции склонны повеселиться. И в этот раз кто-то один начал было хлопать, но тут же и прекратил, не почувствовав никакой поддержки. Зал, кажется, не настроен был шутить.

После того как приносят чай, в зал заходит пресс-секретарь президента Алексей Громов. Этот немногословный человек (за шесть с лишним лет журналисты не услышали от него ни одного публичного комментария деятельности президента) озабоченно поправляет какие-то бумаги, лежащие перед ним, и, кажется, немного волнуется.

Может создаться впечатление, что он волнуется, придет ли вслед за ним президент. Но это ошибочное впечатление. Во-первых, у господина Громова железные нервы (еще бы, уметь так молчать), а во-вторых, он слишком хорошо знает: президент уже здесь. Он даже приоткрыл дверь в зал и мысленно отсчитывает последние секунды, оставшиеся до своего первого шага в зал: пауза между появлением господ Гро-

мова и Путина должна, судя по всему, составить не меньше минуты. Но и не больше.

Президент России начал свою пресс-конференцию с подведения итогов прошлого года. Это была самая рутинная часть мероприятия. Год, по рассказам президента, был стабильно хорошим, цифры – ровными, а значит, не было повода даже по-настоящему расстроиться или, наоборот, неожиданно сильно чему-нибудь обрадоваться.

Президент похвалил действия Центробанка (словно в устной форме отвечая на письма сидевшего в тюрьме банкира Алексея Френкеля) и заметил, что за правительством есть еще «должок по судостроению». Во время пресс-конференции Владимир Путин еще несколько раз возвращался к деятельности правительства, и было очевидно, что эта деятельность – то небольшое, что не впечатляет его в современной российской действительности.

Первый вопрос был о нелегкой судьбе директора сельской школы в Пермском крае Александра Поносова, которого судят за то, что он закупил для своих учеников компьютеры с нелегальным программным обеспечением.

Президент, заявив, что он не в курсе этой истории (во что, впрочем, верится с трудом, ибо тогда это означает, что он вообще не смотрит телевизионные новости и не читает газет), при этом с готовностью прокомментировал эту ситуацию: «Чушь собачья». В наших непростых условиях это равносильно оправдательному приговору за отсутствием состава

ва преступления. С этой точки зрения, я считаю, сразу окупились все расходы на проведение этого затратного мероприятия.

Американский радиожурналист Файфер попросил уточнить, что имел в виду господин Путин, когда говорил, что «супердержава – это устаревшее слово из периода холодной войны».

– И вы сказали, что другие страны хотят делать образ России как врага, – сказал господин Файфер. – Пожалуйста, какие именно страны? Это включает Вашингтон и Лондон? Если нет, кто именно специфически хочет портить имидж России?

Господин Путин ответил исчерпывающе.

– Мы видим, – рассказал он, сверля, кажется, глазами мужественного радиожурналиста, – недобросовестное отношение к интерпретации происходящих событий. И конечно, это делают недоброжелатели Российской Федерации. Кто пишет об этом – эти люди и есть недоброжелатели! Поэтому, если вы так напишете, значит, и вы такой.

Я был уверен, что президент России предложит радиожурналисту тут же сделать и обрезание – хотя бы из вежливости.

– А если вы дадите правильную, объективную картину происходящих событий, значит, вы к этой категории не относитесь, – закончил Владимир Путин, из последних, кажется, сил держа курс на миролюбивую внешнюю политику.

Через некоторое время президент начал получать вопросы о своем преемнике. Они не нравились Владимиру Путину, и он не намерен был скрывать этого. На вопрос корреспондента НТВ Владимира Кондратьева президент ответил, что он не правит, как тот выразился, а просто работает и что слово в случае с будущим президентом не за ним, а, как и следовало бы предположить с самого начала, за народом страны.

– Преемников никаких не будет, – сообщил президент. – Будут кандидаты на пост президента Российской Федерации.

Это было неожиданное заявление. Оно могло, например, означать, что в качестве кандидатов будут зарегистрированы и Сергей Иванов, и Дмитрий Медведев, которым молва приписывает наибольшие шансы получить высокое звание Преемника Российской Федерации из уст президента России. При этом, говорят, по крайней мере один из них все еще сомневался тогда, на кой черт ему вообще все это нужно.

Корреспондент агентства Reuters через несколько минут в более запутанной форме повторил вопрос корреспондента НТВ.

– Все, кому надо, уже на своих постах работают, – раздраженно ответил президент России. – Нам нужно с вами не суетиться по поводу будущих выборов.

Вопрос: имел ли он в виду в этот момент себя? Или намекал на то, что не следует записывать в преемники ни первого вице-премьера, ни министра обороны?

– Я тоже гражданин Российской Федерации, – продолжил он, – чем очень горжусь, и, конечно, оставляю за собой право высказать какие-то предпочтения. Но буду делать это только в период предвыборной кампании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.